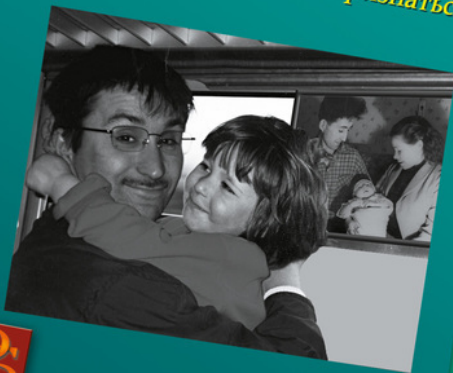

СОВРЕМЕННЫЕ НЕ ДЕТИ и их СОВРЕМЕННЫЕ РОДИТЕЛИ

или
О том, в чём так непросто признаться

Ирина Юрьевна Млодик
Современные дети и их
несовременные родители,
или О том, в чем так
непросто признаться
Серия «Родительская библиотека»

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22456648

*Ирина Млодик Современные дети и их несовременные родители, или О том, в чем так непросто признаться: М; 2016
ISBN 978-5-98563-392-4*

Аннотация

Наши отношения с детьми в точности копируют отношения с нашим «внутренним ребенком», которые, в свою очередь, повторяют модель отношения взрослых к нам, когда мы сами были детьми. И если родители во времена своего детства не прожили адекватно какой-то возраст, не решили какую-то важную возрастную задачу, то и своим детям с большой долей вероятности они не позволят сделать это... Если, конечно, не займутся самоисследованием и не проработают то, что по каким-то причинам им не удалось сделать в свое время. Книга именно об

этом. Психологическую часть дополняет художественный рассказ, который ведется от лица ребенка и дает возможность представить, что он мог бы рассказать взрослым, если бы умел выражать свои мысли. Издание будет интересно и родителям, и выросшим детям, пытающимся разобраться в своей жизни.

Содержание

Часть 1	6
1	8
Прошлое будущее время	8
Настоящее будущее. Оно случилось. Оно уже здесь	11
Настоящее. Будущее. Прошлое. Три в одном	13
Ребенок в реальном времени	25
Мы с тобой одной крови...	31
«Найди десять отличий»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Млодик
Современные дети и их
несовременные родители,
или О том, в чем так
непросто признаться

Серия «Родительская библиотека»

© Издательство «Генезис», 2011

Часть 1

Петля времени

Это книга для родителей, готовых честно посмотреть на самих себя. Для способных увидеть то, что, быть может, не совсем приятно видеть и тем более признать. Для тех, кто готов ради светлого будущего своего ребенка разобраться... со своим прошлым.

Ко мне часто приходят на консультацию взрослые люди – родители. Многие из них уверены в том, что проблемы их детей – это проблемы лишь этих детей. Многие также убеждены, что время линейно и прошлое было в прошлом, а будущее – это то, что ждет их впереди. И мне бывает непросто в рамках одной консультации объяснить им, что это не так. Что их прошлые нерешенные проблемы создают проблемное настоящее их ребенка, и то, как они вместе с ним реагируют на это проблемное здесь и сейчас, создает его перспективу. Что они своими сформированными, не всегда хорошо осознанными установками уже создали будущее себе и своим детям, несмотря на то что оно еще не наступило.

Пишу эту книгу и чувствую себя вышивальщицей на ковре времени: стежок вперед, стежок назад, петелька, узелок. Как и все мы, плету свой уникальный узор, вспоминая про-

илые встречи, переживая все это заново в настоящем, рассказывая вам о том будущем, которое случается после. Однако во время консультации и работы со взрослым или ребенком моя задача немного другая: рассматривать вместе с ними этот сложный рисунок их жизни, открывая причудливый путь нитей, взаимосвязей и узелков, что создали то самое их настоящее, которым они так недовольны, от которого страдают и которое хотят изменить.

1

Уроки времени

Прошное будущее время

Когда мы, ныне сорокалетние, были маленькими, нам обещали, что мы будем жить при коммунизме. Нашу детскую фантазию возбуждало и будоражило незнакомое слово. Коммунизм в наших мечтах был чем-то средним между неожиданным раем и справедливым воздаянием за честное пионерское поведение. Мы свято верили в великое будущее, обещанное самим ЦК КПСС, поэтому никому не приходило в голову сомневаться в том, что нас ждет впереди и какими нам надо быть, чтобы в это будущее непременно попасть.

В кодекс настоящего пионера входило несколько непоколебимых правил, в которых основным лейтмотивом было послушание, верность идее и беззаветное ей служение. Настоящий пионер должен был всегда ставить коллективные ценности выше личных, беспрекословно подчиняться старшим, какими бы странными или нелепыми ни были их указания. Еще приветствовалась аккуратность во всем, исполнительность, альтруизм и способность пожертвовать собой ради Родины, призвавшей тебя к какой-либо светлой и имеющей мировой масштаб цели.

Не будем углубляться и оценивать те времена, мотивы тогдашних политиков, потому что они во все времена одинаковы – им нужна власть, в том числе власть над народом, которым они собираются управлять. Ясно одно – мы жили в золотое время, потому что знали, что нас ждет в будущем, и знали, какими нам следует быть. Нашим родителям тоже было хорошо, потому что они знали, как нас надо воспитывать, потому что представляли себе, что должно получиться в конце.

А теперь представьте себе ваше будущее сегодня. Точнее, даже не ваше, а будущее ваших детей. Нет хоть сколько-нибудь ясной картины. Нет даже представления о том, что там случится, в этом будущем. Даже слова нет, которым это будущее можно было бы назвать. И тогда, если мы не знаем, что может произойти, что может случиться, у нас рождается тревога, которую мало кто из родителей отваживается чувствовать и осознавать. Поскольку тревога – чувство неприятное и труднопереносимое, то, чтобы избавиться от нее немедленно, необходима какая-то определенность, картинка, хоть сколько-нибудь сложившееся представление. Вот тогда мы быстро рисуем все это в наших головах, основываясь при этом не на реальности – то есть не на будущем, которое мы не можем узнать и представить, а на прошлом, из которого сами выросли.

Если вас воспитывали убежденными в том, что высшее образование – краеугольный кирпичик в будущем ребенка,

то и вы своих детей будете не то чтобы настраивать, а будете требовать от них тоже непременно получить высшее образование, причем волей-неволей ориентируя их на ваш профессиональный профиль. В этом есть свой резон, и ребенок, генетически весьма на вас похожий, может быть склонен к тому же виду деятельности, но при условии, что этот вид деятельности был вами выбран правильно. Но если вы не сумели понять и выполнить свое предназначение или если ваш ребенок имеет причудливо переплетенный генетический набор и его склонности и черты характера еле просматриваются у каждого члена семьи, тогда модель из вашего прошлого не будет срабатывать и чаще всего никак не поможет вашему ребенку в его подлинном самоопределении.

Что же нам делать, если мы знаем, как надо жить, потому что мы это уже прожили? Наше прошлое было, есть и будет (то есть может продолжиться и воплотиться в наших детях). Для того чтобы все времена встали на свои места, важно осознать багаж вашего прошлого и присвоить его себе в уникальном личностном и историческом контексте. Оно случилось с вами, вам оно помогало или вас калечило, и это ваше время. Но оно должно остаться там, где ему место: в вашем внутреннем архиве, в сумме вашего опыта, в ваших воспоминаниях. Оно сделало вас такими, какие вы есть. И если вы сейчас счастливы, успешны и очень гордитесь собой, то, конечно, вам есть на что опереться, когда ваши дети будут спрашивать у вас совета. Но если вы в данный момент, по-

ложу руку на сердце и честно заглянув в себя, не ощущаете себя удовлетворенными тем, как сложилась ваша жизнь, то, быть может, стоит критически, а еще лучше аналитически отнестись к своему прошлому, прежде чем усиленно транслировать собственные плохо работающие модели своим детям.

Все сложно? Согласна. Эта книга – для того, чтобы вместе с вами постараться разобраться, должен ли ваш ребенок соответствовать требованиям современности. В каком будущем предстоит ему жить? Как можно подготовить его к этому будущему и нужно ли вообще готовить его к нему? И возможно ли? Что мы, родители, можем сделать для этого, а что не в наших силах? И, в конце концов, кому на самом деле все это нужно?

Настоящее будущее. Оно случилось. Оно уже здесь

Будущее для нас оказалось совсем не тем, которого мы ждали. Никакого коммунизма и воздаяния за прилежание. Капиталистическая экономика. Социалистические идеи кажутся как минимум наивными, как максимум – разрушительными. Прежние кумиры и памятники свергнуты. Старых идеалов больше нет. Страна, если бы могла, испытывала бы стыд и раскаяние за годы репрессий, войн, подавления других государств диктатором идеологии. Черное стало белым, и

наоборот.

При этом, для того чтобы узнать что-то, не надо получать читательский билет в Ленинскую библиотеку, достаточно зайти в Интернет. Можно разговаривать с целым миром по скайпу и посредством мобильного телефона знать, где ежеминутно находится твой ребенок. Верить? Верь во что хочешь – в партии, в Будду, в конец света. Свобода выбора. Поехать? В любую страну, были бы деньги. Хороший почерк и чистописание никого не интересуют, важнее знание компьютерных программ и способность легко управляться с офисной техникой. От каждого по способностям, каждому по потребностям? Ничего подобного. Каждый живет, как может, и имеет ту жизнь, на которую решается. Теперь все зависит от тебя, а не от того, какова линия партии. Ну почти все. Потому что партии все же существуют, а также есть и курсы мировых валют, ураганы, кризисы, катаклизмы, цены на нефть, все это есть. Но согласитесь, что в настоящее время собственное благосостояние зависит в значительно большей мере от тебя самого.

Могли мы предугадать все это в начале восьмидесятых? Нет, конечно. А наши родители в их шестидесятых? Тем более. Мы не могли знать того, каким будет это будущее, и наши родители ошибались, думая, что знают, к чему готовить своих детей. Они сделали для нас все, что могли, но они не в силах были предугадать будущее. И тем не менее мы выжили! Да, в девяностые нам всем пришлось непросто, но вы-

жили же. При этом чуть проще было выжить тем, кто имел более широкий взгляд на мир, более гибкую психику и способность ставить под сомнение вроде бы очевидное.

Пять лет назад, когда наши дети только поступали в институты, конкурс в экономические вузы был немалым, все понимали: в этой стране быть банковским работником выгодно – это перспективы, карьера, деньги. Сегодня они заканчивают свои экономические факультеты, и что ждет их за порогом? Кризис и значительные сложности с тем, чтобы быстро выстроить свою карьеру, тем более вчерашнему студенту без опыта работы.

Как же трудно нам признать тот факт, что будущее мало-предсказуемо. А особенно будущее другого человека, пусть даже и очень похожего на вас. Но нам так хочется знать будущее, мы же родители и отвечаем за своих детей, и более того – всей душой желаем им счастья.

Пусть это кому-то покажется дерзким и противоречивым, но я считаю, что будущее вашего ребенка все же предсказать можно, правда, не совсем так, как вы это себе представляете.

Настоящее. Будущее. Прошлое. Три в одном

*Вчера иду домой, прохожу мимо песочницы,
а там две девчонки лет пяти в «дочки-матери»
играют.*

Одна зовет в магазин, вторая:

– Сейчас. Только обед приготовлю своим
дебилам!

Из Интернета

Нам только кажется, что время растянуто, что прошлое было когда-то давно, настоящее просачивается сквозь пальцы, а будущее еще не наступило. Если понаблюдать за тем, как это проявляется в воспитании детей, вы увидите, насколько все замешано и присутствует в настоящем, которое разворачивается прямо перед нашими глазами.

Сажу в парке, читаю, дышу воздухом. Лето в разгаре, и существовать в нашем огромном мегаполисе можно только у реки, в тени парков. Вот поэтому я здесь. В двадцати шагах от меня две маленькие девочки, лет восьми и лет четырех, копошась у самой воды, пытаются получить хоть какое-то удовольствие от прогулки. Я с грустью в сердце быстро понимаю, что их затея обречена на провал.

Я бы, возможно, не заметила их вообще, если бы не их бабушка, чей пронзительный всепроникающий голос был слышен, я думаю, и на другом берегу реки. Он разрушал канву плавно текущего повествования в моей книге, и я почти поднялась со скамейки, собираясь уходить, понимая, что долго просто не выдержу. Но в какой-то момент я откладываю книгу и решаю остаться, потому что перед моим взором разворачивается картина удивительная и одновременно банальная до боли в сердце, до оскомины,

так часто в разных вариациях приходилось ее наблюдать.

Старшая девочка пытается читать вслух книгу, содержание которой уплывает даже от меня, ее незаинтересованность выдает блеклый голос и ужасно занудливая интонация, на что бабушка через каждые 10–15 секунд зачем-то повторяет одну и ту же фразу:

– Ты что, не видишь, балда эдака? Здесь же точка! Точка – это значит конец предложения. Ты должна остановиться.

Девочка продолжает занудливо читать, торопится, видимо, законченная книжка – это возможность освободиться от рутины. Она не понимает ничего из того, что читает, и с завистью смотрит на младшую, которая пытается подманить уток, зазывно бултыхая в воде красным совочком.

– Лера, читай, кому говорю, горе ты бестолковое! Лиза, прекрати бултыхаться в воде, сиди спокойно.

В течение долгих пятнадцати минут Лера получает еще пятьсот пять замечаний про точки, которые она в упор не хочет замечать, и еще столько же оскорблений и самых нелестных эпитетов. Маленькой Лизе тоже беспрестанно достается, поскольку спокойно сидеть ей явно уже давно скучно, но любые ее попытки хоть как-то развлечь саму себя пресекаются немедленным окриком. Через эти пятнадцать минут Лера отваживается на легкий бунт:

– Я устала, я больше не хочу читать, я хочу поиграть вместе с Лизой.

– Даже не думай! Тожже мне, лялька нашлась! Ты уже школьница, тебе надо день и ночь заниматься, с твоей-то успеваемостью! Я же тебе сказала, пока главу не прочитаем, никаких «поиграть».

Лиза тожже пытается «бунтовать», она находит себе с виду совсем невинное занятие: набирает в формочки воду и переливает их из одной в другую. Криминальное поведение немедленно прерывается криком:

– Что ты делаешь, дрянь ты эдакая? Зачем руки намочила? Кто тебе разрешил руки мочить? Вытирай немедленно!

Мои уши уже с трудом выносят этот громкий постоянно недовольный голос, мое сердце сжимается от желания спасти этих девочек от человека, который больше всего на свете желает им счастья. Но я ничего не могу сделать, потому что консультацию у психолога эта бабушка не заказывала. Она убеждена, что она все делает для своих внучек, все для их будущего. Сама мучается страшно, но для них готова на все!

Еще через некоторое время злополучная глава дочитана. Лера буквально подскакивает на месте, миг оказывается у воды возле сестренки и, не веря своему счастью, прыгает около нее и смеется.

– Ну-ка сядь немедленно назад, засранка ты эдакая! Кто тебе разрешил вставать? Еще примеры! Куда ты скачешь? Примеры еще!!! Сядь немедленно!

– Ну, бабушка, я устала, ну можно я немножечко

попрыгаю, ну совсем немножечко. Лиза, давай для уточек построим домик из твоих формочек, вдруг они тогда к нам приплывут.

– Никаких уточек! – резкий окрик. Бабушка не ленился приподняться, схватить девочку за локоть и резко дернуть вниз, силой усадив ее рядом с собой. Потом следуют долгие выговаривания за непослушание, упреки, угрозы все непременно рассказать родителям. Лера, тихо захлебываясь слезами, подчиняется. Но сосредоточиться на примерах не может, за что получает еще больше эпитетов и даже легкую оплеуху.

В это время Лиза то ли от скуки, то ли из желания как-то переломить ситуацию, совершает очередной «подвиг»: она берет сестринские фломастеры и одним из них что-то рисует прямо на своей крошечной пухлой ножке. Это немедленно вызывает у бабушки настоящий припадок: она начинает кричать на внучку, совсем уже не стесняясь в выражениях. Дергает и шлепает обеих, заставляя их немедленно собирать игрушки и книжки, потому что она намерена отвести их к «дяде милиционеру», где «таким бандиткам самое место». Старшая Лера напрягается, начинает быстро все собирать, пытается оттереть сестре ногу за что получает от бабушки еще больше. Младшая входит в раж, убегает и на каждый бабушкин окрик реагирует задорным смехом и подначками.

– Иди сюда немедленно! Я все маме скажу, какая ты вредная девочка! Она тебе неделю конфеты давать не будет!!!

– Будет, будет, будет.

– Не будет, я сказала, иди сюда, дрянь ты эдакая!

– А я тогда у папы попрошу, папа мне всегда даст!

– Если твой папа тебе даст, я ему сама такого дам!!! Лера, ну-ка, быстро тащи сюда эту негодяйку!

Бедная Лера, разрываясь между складыванием игрушек и попытками поймать сестру, и то и другое делает плохо. Бабушка верещит уже, переходя на ультразвук. Впрочем, вся компания вскоре все же удаляется, при этом девочки изрядно получают по маленьким задницам. Глядя вслед тучной фигуре, крепко сжавшей две детские ручки, я с облегчением перевожу дыхание и с тоской думаю: что не так?

Что ж не так с этой взрослой любовью к собственным детям и внукам?

Какое отношение эта история имеет ко времени, о котором мы говорим? Прямое. Бабушка переживает за будущее бедной Леры. Она хочет, чтобы девочка хорошо училась, успешно закончила школу. Для этого, как она убеждена, нужно много заниматься, даже в каникулы, даже жарким летним днем, даже в присутствии младшего ребенка, который пытается хоть как-то развлечься. И при этом бабушка своими любимыми внуками всегда недовольна и непоколебимо уверена, что их совершенно необходимо все время поправлять, критиковать, ругать, понукать, призывать к порядку и самое главное – ни в коем случае не останавливаться, пока все не сделано. При этом же настоящие потребности

бедной Леры начисто игнорируются, и все это ради того будущего, которое может и не наступить. Просто потому, что, так устремляясь к заветной картинке, каждым своим шагом бабушка совершает ошибку, способную привести к ровно противоположному будущему, а не к тому, которого она так ждет.

У Леры почти наверняка сформируется ненависть к обучению как таковому, и к чтению в частности. Потому что все, что она усваивает: ты будешь неуспешна, как бы ни старалась (бабушка за все время не выдала ни единого доброго или поддерживающего слова), учеба – это нудно и скучно, есть занятия поинтереснее, но ими можно заниматься, только если бабушки нет рядом. Когда кто-то недоволен тобой, то это ты во всем виновата, причем исправляться тоже нет особого смысла, потому что никто не замечает, чем ты хороша. И еще: никому нет совершенно никакого дела до того, чего тебе по-настоящему хочется.

Таким образом, у бедной Леры в будущем два основных варианта развития – стать послушной девочкой, перестать бунтовать, делать, как говорят, забыть о своих желаниях, пытаться угодить любым взрослым, стать маленьким послушно учащимся роботом, безуспешно пытающимся поднять свою успеваемость. Либо – ближе к подростковому возрасту – бунт, протест, когда правильное поведение, учеба, книги и все, что с ними связано, вызывают только тошноту и нестерпимое желание сделать все наоборот. Второй вариант со-

вершенно исключает позитивный сценарий будущего, сформированный в бабушкиной голове. Первый – маловероятен, просто потому что такие дети не могут стать успешными, поскольку для настоящего успеха нужно не только усердие и способность подчиняться. Необходима еще хоть сколько-то адекватная самооценка, энергия и психологическая устойчивость, чего у бедной Леры, если ничего не изменится, никогда не будет.

И маленькую Лизу готовят к той же участи. Потому что привести четырехлетнего ребенка к воде, разложить перед ней игрушки и запрещать играть – это почти садизм. И что криминального в мокрых руках в жаркий день или даже в разрисованных от немыслимой скуки коленках? Лиза, видимо, с раннего детства должна усвоить, что главное правило взрослых – это не мешать им делать роботов из собственных детей. Включил тумблер – читает, выключил – просто сидит тихо, не бегает и не задает вопросов. Включил другой – ребенок делает домашнее задание, причем без всякого нытья, а с чувством долга и удовлетворения. Еще один тумблер – и он усердно помогает маме по дому, будучи совершенно счастливым от такой возможности. Говоришь ему «спи» – спит, говоришь «ешь» – ест. И все это с видом постоянно возрастающей благодарности на лице за свое счастливое детство. Неужели вы никогда не мечтали о таком ребенке? А если совсем честно?

Для чего мы об этом всем говорим? Для того чтобы ро-

дители давали себе труд осознавать, что они делают, чтобы они отделяли собственную тревогу за будущее ребенка от реальных сложностей и проблем, в которых ему действительно часто нужна помощь, причем ровно противоположная тому, что делают родители. Для того чтобы они честно отвечали себе на вопрос: за кого я сейчас в данный момент?

Это совсем не означает, что хороший родитель всегда не за себя, а за своего ребенка. Это – перебор, другая крайность. «Родители – тоже люди» – именно такое упражнение мы делали как-то с моими подопечными подростками. Родитель может и должен в какой-то момент быть за себя, за свои потребности, ценности, чувства. Но он не должен подменять одно другим и, делая что-то исключительно из собственных желаний, не должен ссылаться на ребенка: «я делаю это для тебя», не должен, игнорируя его важные потребности, говорить ему: «это все в твоих интересах, мы только для тебя и стараемся». Такого рода послания расщепляют психику ребенка, делая ее внутренне конфликтной и напряженной.

Возвращаемся к истории с бабушкой. Мы не можем утверждать что-либо достоверно, поскольку совсем ничего не знаем об этих людях и жизни этой семьи, но попробуем предположить, исходя из того, что мы наблюдали. Сама бабушка весьма недовольна своей жизнью, именно поэтому ее недовольство внучками так всеобъемлюще, как бы они себя ни вели и что бы ни делали. Ни одного позитивного обращения к ним или доброй эмоции в их сторону за тот час прогул-

ки, что я наблюдала за ними. И это притом, что девочки не делали ничего плохого, честно старались угождать бабушке, другое дело, что их детские потребности шли вразрез с бабушкиными планами, и это воспринималось ею как действия назло.

Если б эта взрослая женщина, приведя двоих ребятишек к реке, разрешила им нагуляться, наиграться, побегать, попрыгать. Если б заняла младшую какой-либо интересной игрой, а сама предоставила старшей возможность читать интересную (!), может, выбранную самой девочкой книжку или решать примеры и получать за это хотя бы одобряющую улыбку, то ей бы не пришлось сражаться с детскими потребностями, вести войну, в которой взрослые начинают и проигрывают. Точнее, конечно, в итоге проигрывают все. Но для этого бедной взрослой женщине нужно было бы обладать не только мудростью, которой ей явно недостает, но и совсем другим прошлым опытом. И вот в этот момент становится видно, как прошлое становится настоящим и будущим.

Скорее всего к бедной бабушке так же относились ее собственные родители: не замечали ее желаний, требовали от нее послушания, видели в ней робота, предназначенного для того, чтобы облегчить жизнь родителям, а не ребенка, который обладает уникальностью и личными предпочтениями, особенностями, потребностями. Так, скорее всего с самого раннего детства эта девочка, сама нынче уже бабушка, научилась отказываться от того, что хочется, выбирая всегда

то, что должно и нужно с чьих-то взрослых точек зрения.

И потому ее забитому и почти погибшему «внутреннему ребенку» страшно обидно, когда он видит, что другие дети могут получить то, что ему не довелось, а так хотелось. Одно из чувств, в котором она ни за что не признается себе самой, будет зависть к тем маленьким существам, которые бунтуют, желая добиться того, чтобы их услышали и учли.

Ее «внутренний родитель» знаком только с единственной системой воспитания: подавления, критики и понукания. Родителю нужно беспрекословное подчинение, только тогда он чувствует, что власть в его руках, и тревога хоть немного ослабляет свою крепкую хватку. Другие методы и системы воспитания ее «внутренний взрослый» объявляет несуществующими или несостоятельными по причине все того же жесткого подчинения, в котором выросла она сама. Как известно, жесткая система воспитания сужает взгляд, делает человека ограниченным, а его психику и мышление ригидными. И тогда она руководствуется простым правилом: «меня так воспитывали, значит, это единственно правильный способ».

Вот только честно взглянуть на результат такого воспитания она не может, слишком больно. Слишком страшно было бы ощутить всю глубину своего несчастья, учитывая тот факт, что большая часть жизни уже прошла. И потому выбранная система воспитания девочек ею будет защищаться еще более рьяно, особенно в случае возможных сомнений

насчет ее эффективности. Ведь признание того, что она калечит психику собственных внучек, будет подводить ее к осознанию и другого: когда-то покалечили ее саму, она прожила совсем не такую уж счастливую жизнь, как, возможно, привыкла думать.

Понимание того, что это так, выбьет опору у нее из-под ног, лишит важной убежденности, на которую она опиралась всю свою жизнь. А в случае если единственный на данный момент смысл и род ее занятий – это внучки, то все негативные чувства по этому поводу усиливаются многократно, поскольку воспитание и обучение становится на сегодняшний день смыслообразующей осью всей ее жизни. Убери эту ось, и она столкнется с такой зияющей пустотой внутри, какую не каждый способен выдержать. Но ведь и дети не должны быть заложниками ненайденного смысла чьего-то существования!

Вот таким образом наше прошлое начинает напрямую опосредовать наше настоящее и формировать наше будущее. Как вы понимаете, особенно грустно мне стало от той мысли, что такие замечательные Лера и Лиза могут со временем превратиться в таких же всем очень недовольных старушек, передающих свою страшную эстафету будущим поколениям.

Чтобы все вышенаписанное не звучало так минорно и пессимистично, скажу, что выход есть. И у бабушки может появиться новый смысл, если родители девочек перестанут ид-

ти по пути наименьшего сопротивления и наибольшего искушения и начнут воспитывать собственных девочек сами или с помощью нянь, предоставив бабушке возможность увлечься чем-то еще. И у девочек на пути могут встретиться замечательные талантливые учителя, педагоги, психологи и другие взрослые, которые поддержат в них уверенность в себе, заметят и разовьют таланты, дав возможность при этом проявиться тому живому, чем всегда полна любая детская душа.

Ребенок в реальном времени

*Болеет. Няняли няню, она приходит первый раз.
Даня (3,5 года) берет ее за руку и сам
устраивает экскурсию:*

*– Это зал, это спальня, это моя комната, это
мои игрушки.*

Заходят в кухню.

*– Вот это мне творожок на завтрак, в обед
хlopья. Лекарства на столе – вот это я пью до еды
два раза в день, вот это после – 3 раза...*

И далее в таком же духе.

Няня отзывает меня в сторонку:

– А ему точно няня нужна?

Из Интернета

«Вот в наше время...» Как часто вам приходилось слышать эту фразу? Лично я слышу ее достаточно часто, особенно от представителей старшего поколения. Произносится она, как правило, с недовольным упреком в адрес пред-

ставителей поколения современного. **Они** как будто должны быть виноватыми за то время, в котором живут. При этом, к сожалению, совсем неосознанно старшее поколение желает воспитывать и растить молодежь в ценностях и правилах того времени, в котором они сами были молоды. Нет даже смысла говорить о том, что их непременно постигнет неудача, потому что то время не вернуть, а нынешнее – не переделать и от него не спрятаться.

Но именно потому, что они были молоды, им и сгущенка казалась вкуснее (к тому же выбор лакомств тогда был значительно меньше), и жизнь спокойнее (о многом просто не знали), и устройство «справедливее» (от каждого – по способностям, каждому – одинаково). Когда вы молоды, все чувствуется острее, совсем простые вещи приносят удовольствие и радость. Когда вам значительно «за шестьдесят», то ничего уже не радует, особенно если болеешь или прожил жизнь совсем не так, как хотел. Вот мы и встречаемся с тем, что старшие подсознательно осуждают молодых за то, на что в свое время не решились, а иногда просто за то, чего уже не могут. И еще, конечно, опять же ригидность – невозможность принять перемены. К тому же понятный страх – не смочь приспособиться к тому новому, что заявляет о правах и входит в жизнь.

И даже если вам не шестьдесят, а всего лишь сорок лет, то вы можете неосознанно очень хотеть, чтобы всем вокруг было столько же, включая собственных детей.

Редкий случай – оба родителя на консультации, без ребенка. Говорим об их сыне. Ему пятнадцать. Проблемы с учебой.

– Что, совсем не учится? – спрашиваю, представляя себе типичного редко моющегося субъекта с ехидной миной, оглушительной музыкой в наушниках, смотрящего с мало скрываемым презрением на любого взрослого, открывающего рот.

– У нас серьезные трудности с учебой. – Седовласый, но еще вполне молодой отец выглядит весьма озабоченным.

– Насколько плохо все-таки он учится? – не унимаюсь я.

– Ну на самом деле, – вступает мама, – мы совсем недавно поступили в школу при Бауманке, и он справляется совсем неплохо, можно сказать, даже хорошо, но у нас появилась проблема.

Возникший было перед моими глазами образ типичного обалдую стремительно рассыпается. Снова вступает папа:

– Понимаете ли, у него появилась девушка, она немного старше его, к тому же не совсем нашего круга. Познакомились они на даче. И к счастью, она совсем с другого конца Москвы, точнее даже, из Подмосковья. Они не могут видеться часто. Точнее, совсем не видятся, только звонки и смс. Но они его очень отвлекают от занятий.

– А каков его режим вообще? Чем он занят целый день?

– Разумеется, школой, уроками, английским. К тому же я даю ему дополнительные задания.

– Вы тоже инженер-физик по образованию?

– Ну конечно. Я же понимаю, с чем он впоследствии столкнется, я хочу ему помочь.

– То есть ваш мальчик в свои пятнадцать лет в основном просиживает за уроками и дополнительными заданиями вместо того, чтобы встречаться с друзьями и девушками?

– Ну конечно, это разве плохо?

– Смотря для чего, для учебы, наверное, не плохо. А вот для его жизни...

Тут я им читаю небольшую лекцию о задачах подросткового кризиса, которая встречается мамой весьма благосклонно, а папой – в штыки. Он считает, что в этом возрасте у ребенка должна быть одна задача – ходить в школу и решать физику. Он начинает спорить, и особенно его волнует эта девушка.

– Чем она вам так насолила? Вы видели ее когда-нибудь? Она приходила к вам домой?

– Ну что вы, – возмущается папа, – никогда не приходила! Дело в том, что в тот момент, когда мы делаем с сыном дополнительные задания по воскресеньям, она начинает слать ему смс-ки одна за другой, мы занимаемся-то всего часа четыре, ну максимум пять, но он позволяет себе, не дожидаясь окончания занятий, брать телефон и отвлекаться на эти сообщения! Я, конечно, требую от него все выключить или отнести в другую комнату тогда он

просто смотрит на меня зверем. Но я же отец, я и так трачу свое время, занимаясь с ним. А он ведет себя как неблагодарный.

– А за что ему быть вам благодарным? Он просил вас заниматься с ним?

– Он не просил, но это же совершенно необходимо, вы же понимаете. У них строгий отбор, плохо учитесь – отчисляются.

– То есть без вашей помощи его могут отчислить?

– Конечно, если он не будет заниматься.

– Но он же и так много занимается, причем сам, – вдруг робко снова вступает мама.

– Нет, вы не понимаете, – отец не чувствует поддержки и начинает совсем кипятииться, – я делаю с ним задания наперегонки, и он еще ни разу меня не обогнал, ни разу! И все потому что отвлекается на этот дурацкий телефон! Это о чем, по-вашему говорит?

– О том, что вам сорок, а ему пятнадцать, и что вы зачем-то соревнуетесь с ребенком, имея значительное преимущество. А самое главное, вы хоть и любите его всей душой и хотите ему только добра, на самом деле мечтаете уберечь его не только от ошибок по физике, но и от всей жизни вообще. Вы очень хотите, чтобы ему прямо сейчас, в его пятнадцать стало столько же, сколько и вам – сорок. А он просто пытается в этом как-то выжить, влюбляясь хотя бы по телефону.

К сожалению, это такая частая вещь – проекция родите-

лей, их времени, возраста, психологических особенностей на собственных детей. Не так уж и редко родители, как и этот папа, не отдают себе отчета в том, что требуют от ребенка взрослого сознания, ответственности, поступков, соответствующих не реальному возрасту ребенка, а возрасту родителя. Ребенок в таком случае видится не отдельно взятым существом, «другим», отличающимся от любящего его взрослого, а как бы продолжением самого родителя («нарциссическое расширение», как говорят психоаналитики).

«Я же могу, почему он не может?» – возмущенно спрашивают взрослые. Надеюсь, не надо объяснять, почему этот вопрос не требует пояснений и ответа. Даже утверждение «Я в его время мог, и он должен» не имеет права на жизнь в нашем психологическом контексте. Не говоря уже о том, что память избирательна и может вытеснять факты влюбленности самого папы в его пятнадцать. А в случае если он и тогда не позволил себе этой роскоши – влюбиться, то тем более понятно, почему так невозможно принять влюбленность собственного сына и почему так надо напирать на учебу, прикрываясь заботой о его светлом будущем.

В этой истории впоследствии выяснилось, что девушка не представляет пока никакой реальной опасности, мальчик учится очень хорошо, старше она его на полгода и проблема у них, на мой взгляд, одна – сильнейшая родительская тревога, прикрытая мотивами заботы о ребенке, и боязнь разрешить ему проживать подростковый кризис тогда, когда это

положено природой. И в том случае если маме этого чудесного мальчика, которая практически с самого начала была со мной согласна, не удастся помочь сыну, склонив папу к более мягким позициям (за тем она, видимо, и привела его ко мне), то подростковый кризис может нагнать мальчика потом, в любой, причем не в самый удачный, момент его жизни.

Я согласна, что все это не так просто: отделять свою родительскую тревогу от реальной опасности, сиюминутные потребности ребенка соотнести с тем, как это отразится на его будущем, понять, что можно доверить самому ребенку, а где стоит вмешаться. Еще сложнее осознавать, что значит быть девятилетним мальчиком или четырехлетней девочкой в 2010 году, но это ведь наши дети, и можно хотя бы попытаться.

Мы с тобой одной крови...

Настя, 3 года:

– Бабушка, давай поиграем!

– Давай, а как мы будем играть?

– Ты будешь дочкой, а я – мамой.

– Хорошо.

– Дочка, ну-ка собирай игрушки!

Из Интернета

Проекция родителя, его возраста, умений, установок, способностей на своего ребенка, к сожалению, не такое уж ред-

кое и курьезное явление. Очень часто родитель бессознательно ждет от своего ребенка поведения, похожего на собственное, и, что еще удивительнее, рассчитывает, что маленький человек будет значительно лучше его самого. То есть ребенок должен быть не только копией своего родителя, но еще и непременно улучшенной копией, без его заморочек, погрешностей и недостатков! «Я не достиг, ты должен достичь! Я не смог, ты должен смочь! Я курю, но ты не будешь, я тебе не позволю! Это все потому, что я желаю тебе счастья!»

Что значит вырастить счастливого ребенка – об этом чуть позже. А сейчас хочется обратить ваше внимание на очевидность того, что требования, которые предъявляются к маленькому человеку, не только безосновательны, но и невыполнимы. Конечно, когда он вырастет, вы удивитесь, в какой степени он перенял ваш способ жить, но пока ему семь, десять, шестнадцать лет, он не будет таким же взрослым, как вы, и поверьте мне, что это к счастью! Вся его детская природа помогает ему противостоять вашему могучему родительскому влиянию. Потому что детство ему дано для выполнения его специфических детских психологических задач. В каждом возрасте ребенок должен успешно решить эти задачи для того, чтобы переходить с этапа на этап последовательно и постепенно.

И если грудной возраст, в котором младенец еще совсем мало напоминает взрослого – не ходит, не говорит, мало под-

дается внушению и убеждению, – освобождает его от родительских (особенно отцовских) ожиданий «взрослого» поведения (хотя некоторые отцы умудряются делать замечания своим женам, типа «нечего с ним сюсюкаться»), то лет с трех, когда малыш все более приближается к «осознанному», с точки зрения рационального отца, возрасту, эпоха проекций и ожиданий вступает в свои права. «Как ты можешь бояться, ты же мужчина!» – говорят они, когда им не нравится, что он испугался. «Немедленно убери игрушки и последи за сестрой, ты же взрослая!» – обращаются они к трехлетней малышке, которая должна немедленно повзрослеть только потому, что в семье прибавление.

А ведь в этом возрасте ребенок еще только учится управлять собой, и ему трудно, а часто и невозможно отвечать еще за кого-то. В три года он хочет и даже часто требует что-то сделать сам, но реально не всегда может, и его первые попытки самостоятельности вовсе не означают, что он должен овладеть этим на уровне взрослого человека. Он только начинает осваивать навыки самоконтроля, только пробует управлять собой и ситуацией, только осваивает причинно-следственные связи, совсем еще логически не понимая, что это такое.

Трагедия, или, во всяком случае, драма, состоит в том, что наши отношения с детьми в точности копируют отношения с нашим «внутренним ребенком», которые, в свою очередь, повторяют модель отношения взрослых к нам, когда мы са-

ми были детьми. И если мы во времена своего детства не прожили адекватно какой-то возраст, не решили какую-то важную возрастную задачу, то и своим детям с большой степенью вероятности не позволим это сделать, если, конечно, не займемся самоисследованием и не проработаем то, что по каким-то причинам нам не удалось сделать в свое время.

Если вас в детстве заставляли заниматься музыкой и уроками, в то время как другие мальчишки гоняли мяч во дворе, то в ваших отношениях с ребенком есть два варианта развития событий. Вариант первый: вы и вашего сына засадите за уроки и с негодованием будете встречать любые его попытки увильнуть от этого занятия. Вариант второй: настрадавшись в собственном детстве, вы начнете его «спасать», совсем не уделяя внимания учебе, обесценивая этот процесс и осуждая мальчика (или девочку) за «ботанизм», если таковой с ним случится. И в том и в другом варианте вы скорее будете руководствоваться последствиями собственной детской травмы, чем реальными потребностями ребенка в реальном времени.

Не отдавая себе отчета в том, что большинство родительских намерений исходит из незавершенных отношений родителей со своим «внутренним ребенком», вы рискуете совсем потерять контакт с реальностью ваших детей, заменяя ее собственной прошлой реальностью, не имеющей отношения к другому маленькому, хоть и очень похожему на вас, человеку. Перефразируя известную шутку «Если в детстве не было велосипеда, а теперь есть «Бентли», то... велосипеда

в детстве все равно не было», можно сказать: «Если в детстве у вас не было «Бентли», а у вашего ребенка он теперь есть, то в вашем детстве его все равно не было». Недостатки, провалы и «дыры» вашего детства не восполнятся тем, что все это вы дадите собственному ребенку. Они также не закроются от того, что и его вы лишите того же. Это несправедливость, которая с вами уже случилась, и ее никак не исправить. Ее можно только осознать, попечалиться и присвоить себе как некий опыт, с которым вы в итоге как-то справились.

К сожалению, в нашей коллективистской культуре очень прочно сформировалось представление о том, что «я – такой же, как все». Из этого незамысловатого послания последовал простой вывод, также въевшийся в наше сознание: «все – такие, как я». Это породило в нашей культуре и психологии много сложностей, и одной из них является невозможность воспринять другого как Другого. Мы сознательно и бессознательно начинаем считать всех вокруг устроенными точно так же, как мы сами, и не желаем видеть и замечать очевидных различий. Для нас становится болезненной и травматичной встреча с отличиями Другого. В итоге неспособность увидеть в другом человеке существо иного пола, возраста, вероисповедания или просто имеющее отличные от наших черты характера приводит как минимум к потере контакта, а как максимум – к болезненным деструктивным конфликтам, разрывам, потерям. Если с друзьями, знакомыми, партнерами и даже супругами мы можем расстаться, не придя к

принятию Другого, то куда деваться нам от собственных детей? И что делать с невозможностью принять их отличия и особенности?

Как ни грустно, собственных детей воспринимать как отличающихся от нас, Других, особенно трудно. Ведь они генетически являются нашей частью, растут в нашей семье, впитывая наши традиции, ценности, правила, устои. Все это создает иллюзию того, что, решая вопрос «как было бы лучше для него», мы часто неосознанно, но крепко опираемся на представление «как бы это было лучше для меня», часто совершенно вынося за скобки нашу разницу в возрасте, несовпадение потребностей, отличия в характере и совершенно другой контекст времени и ситуации, в котором растет наш малыш.

Попытаться понять своего ребенка, присматриваться к нему, изучать его, наблюдать за тем, как он меняется, значительно сложнее, чем выбрать простую опору: «это сработало со мной, когда я был ребенком, сработает и с ним». Вот только с тем, что опора эта обладает мнимой крепостью и выстроена на зыбучих песках, вы столкнетесь не сразу, а столкнувшись, будете немедленно поглощены малоосознаваемой тревогой, которая начнет подсказывать вам, как немедленно «привести в соответствие» ребенка, так некстати отличающегося от ваших ожиданий.

Неспособность видеть и уважать другого Другим (если речь идет о ребенке) проистекает не только из ошибочно-

го убеждения, что он – наше продолжение; здесь работает также и такой механизм, как слияние. У многих из нас любовь и близость ассоциируются с похожестью. Влюбленные ищут сходства во взглядах, предпочтениях, представлениях и, когда находят, радуются, что нашли «своего человека». Видение того, что мы думаем одинаково, любим одно и то же, рождает в нас ощущение, что мы близки, что мы – единое целое. Это рождает иллюзию близости, безопасности, единства. И где-то здесь нарушается граница, и слияние начинает путаться с любовью. Влюбленные, так же как и люди, живущие в семье, начинают болезненно реагировать на отличия.

«Ты чувствуешь по-другому, чем я, у тебя другое мнение, ты не можешь угадать, что со мной, – значит, ты перестал меня любить!» Многие матери так и говорят своим детям: «Ты не хочешь сделать то, о чем я тебя прошу, значит, ты меня не любишь, значит, мать тебе уже не нужна!» Тем самым они превращают отличия и несогласия в основание для построения манипулятивной конструкции: «если ты не думаешь, как я, то ты меня и не любишь», вызывая у ребенка чувство вины, которое он совсем не заслужил. При этом они не осознают, что счет «за нелюбовь» можно предъявить в этом случае скорее к себе самим, не желающим понять и услышать своего ребенка, увидеть его своеобразие и уважать его индивидуальность.

Часто различия вызывают в нас слишком много чувств. От раздражения до тревоги, от изумления до ярости, вызы-

вающей только одно стремление: сделать того, кто вам так дорог, очень похожим на вас, истребив отличия, приспособив «под себя» или разрушить. Отсутствие различий – это иллюзия контроля, управляемости, безопасности. Наличие их – непредсказуемость, беспокойство, необходимость совершать выбор, а не действовать автоматически или привычным образом.

Различия бросают нам вызов, они требуют от нас размышления, исследования, принятия. Они позволяют нам лучше узнать самих себя и лучше узнать других людей. И вместо того чтобы использовать такой шанс для своего развития, для узнавания чего-то нового о себе и мире вокруг нас, мы стремимся их истребить, тщательно шлифуя выделяющееся и непохожее, пытаюсь сделать из маленького Другого копию себя. И добро бы еще мы сами были само совершенство...

«Найди десять отличий»

Бужу сына в туалет и, чтобы убедиться, что проснулся, спрашиваю:

– Кто я? Данил, знаешь, кто я?

– Девочка, – отвечает он, – и скорее всего старшая по званию.

Из Интернета

Именно такое задание дается в детских книжках-развивалках для тренировки внимания. Две очень похожие кар-

тинки, а в них десять незначительных отличий. Дети делают эти задания обычно с большим удовольствием. А для меня эти картинки – метафора того, что периодически стоило бы делать каждому родителю. Картинки кажутся на первый взгляд очень похожими. Но отличия все же существуют, и требуется внимание и усердие для того, чтобы их найти. Было бы очень полезно каждому взрослому время от времени находить десять отличий между собой и собственным ребенком, на первый взгляд так же похожим на вас, как картинки в тех книжках.

Так трудно бывает объяснить родителям, а также мужчинам и женщинам, попавшим в семейный кризис, что любовь – это не истребление непохожего, а узнавание и уважение различий, которые позволяют каждому из нас все больше становиться самим собой.

В родительской ситуации бессознательное желание вырастить ребенка, похожего на маму или папу, объяснимо. Если допустить, что мы растим совсем необычного человека, то у нас возникает тревога, как мы можем справиться с передачей опыта, ведь мы имеем только тот опыт, что проживали сами. А значит, в случае возникновения затруднений у нашего слишком необычного ребенка мы рискуем оказаться беспомощными, не справиться, не помочь. Это страшно, учитывая, что мы отвечаем за него и любим. С другой стороны, родители, идущие «от обратного» и желающие, чтобы ребенок делал со своей жизнью что-то, совсем противоположное

тому, в чем они росли сами, тоже ставят перед ним трудную задачу, поскольку ребенку негде взять пример, модель того, как жить и поступать совершенно по-другому.

Как же быть? Ответ все тот же. Осознавать и присваивать себе свои родительские чувства. Если ваш необычный ребенок попал в нестандартную для вас ситуацию, можно обратиться за помощью, например, к более старшим и мудрым, к друзьям и знакомым, которые, быть может, проходили через это, к специалистам, наконец. Можно даже все решить самим – вы умеете обходиться с нестандартными ситуациями и не впадаете в панику, если вы можете отстраниться от привычного, шаблонного и поразмыслить, возможно, вместе с ребенком, а может – и со всей семьей, и принять решение, максимально подходящее вашему ребенку и к вашему случаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.